

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. М. Межуев¹

Аннотация: В статье рассматривается феномен модернизации, раскрывается различие в понимании современности в различных культурных мирах, предлагается трактовка данных понятий, делается вывод о необходимости переориентации с модернизации на путь глобального развития.

Ключевые слова: ценности, теория модернизации, модернизация, глобализация, культурный капитал.

VALUES OF THE PRESENT IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION AND GLOBALIZATION

V. M. Mezhuев

Abstract: In the article by a prominent philosopher of culture V. M. Mezhuев the phenomenon of modernization is being considered, the difference in understanding of modern times in various cultural worlds is revealed, an interpretation of these concepts is suggested. In the conclusion, there is an idea that there is a necessity of reorientation from modernization to the way of global development.

Keywords: values, theory of modernization, modernization, globalization, cultural capital.

Тема исторической отсталости России от Запада, ее «несовременности» в сравнении с Западом, как известно, является основной темой русского западничества — всех его поколений, включая нынешнее.

¹ Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук.

В глазах западников Запад приобрел значение высшей точки мировой истории, а все, что выходило за его пределы, признавалось безнадежно устаревшим. Западничество стало своеобразным продолжением европоцентризма на русской почве. Предлагаемые западниками в разные периоды их существования меры по сокращению и преодолению отрыва России от Запада могут быть квалифицированы как предвосхищение той модели общественного развития, которая в наше время получила название модернизации.

То, что сегодня понимается под теорией «модернизации», не является, строго говоря, ни западной, ни тем более российской теорией. При ее изложении в научной литературе нельзя встретить ни одной ссылки на русские источники. Возникшая в 50-60-х гг. XX в. в лоне университетской науки США под влиянием работ Т. Парсонса и Р. Мертона, она была создана американскими специалистами по странам «третьего мира» (С. Липсет, Ф. Риггс, Д. Энтер, Р. Уарт, С. Хантингтон и др.) для объяснения происходящих там процессов, взрывающих традиционный порядок и способствующих переходу этих стран к современному (индустриальному и демократическому) обществу. Чуть позже данная теория была взята на вооружение официальными государственными ведомствами США для обоснования их политики в отношении этих стран. Страны, служившие для этой теории объектами изучения, были преимущественно странами Азии, Африки, отчасти Латинской Америки, но среди них не было СССР, по отношению к которому более уместным считался термин «конвергенция», а не «модернизация». Это было время, когда СССР боялись, но признавали и уважали.

Все изменилось с концом эпохи коммунизма и распадом СССР. Россия сразу же откатилась в разряд слаборазвитых стран с остатками современного вооружения («Верхняя Вольта с ракетами»). Поэтому в

связи с ней и по аналогии с вышеназванными странами уже можно было не стесняясь говорить о модернизации. Термин этот прижился и в среде российских политиков и теоретиков, взявших на себя миссию защиты либеральных политических и экономических реформ. В дальнейшем этим термином стали пользоваться и для обозначения всех процессов реформаторского толка, начиная с эпохи Петра. Действительно, по своему общему смыслу он вполне адекватен политической теории и практике российского западничества, независимо от того, употребляло оно этот термин или нет.

Хотя термин «модернизация» сравнительно новый, явление, обозначаемое им, существует в России по крайней мере уже три столетия. Первая волна модернизации, поднятая петровскими преобразованиями, докатилась со всеми своими приливами и отливами до начала нашего века. Самодержавие имперского типа взросло и укрепилось на этой волне, завершив свое существование, когда энергия последней иссякла. Вторая волна была инициирована большевиками. Именно они продолжили начатое царями дело модернизации страны. Можно по-разному оценивать то, что они называли «реальным социализмом», но в любом случае он предстал в результате их деятельности не в своем собственном качестве, а как разновидность модернизационной стратегии, осуществляемой вне рыночными и недемократическими средствами, что называется «минуя капитализм». И мог ли он быть иным в стране с не сложившимися гражданской и правовой структурами?

Субъектом этой модернизации (или индустриализации), названной «построением социализма в одной стране», стало предельно централизованное государство в лице одной партии и ее вождей. Социализм и был для нее синонимом мощного государства, обладающего промышленным и военным паритетом с развитыми странами Запада. Идея социализма как бы позволяла решать двойную задачу мобилиза-

ции всех человеческих ресурсов для преодоления технологического отрыва от Запада с одной стороны, и сохранения государственной независимости от него — с другой. Она как бы блокировала возможность превращения модернизирующейся страны в периферию западного (капиталистического) мира. И до определенного момента такая модель обладала достаточной работоспособностью, хотя сегодня можно констатировать ее полную исчерпанность и неэффективность.

Крах социализма советского образа — это прежде всего кризис данной модели. Он дал начало нынешней, третьей волне модернизации, совпадающей по времени с новыми технологическими сдвигами в западном обществе. Если первая волна падает на время существования в Европе раннеиндустриального общества, вторая — общества индустриального, то третья совпадает с переходом западного общества в постиндустриальную фазу. Наши модернизационные волны как бы соответствуют основным этапам становления современного западного общества, являются ответом на их вызовы: модернизация ведь и есть ответная реакция на модерн, на его существование. Она позволяла России поддерживать хоть какое-то равновесие с западным миром. Запад развивался, следуя логике собственной жизни, а мы модернизировались вслед за ним, боясь оказаться в стратегическом проигрыше. Модернизация в любом случае процесс вторичный, повторяющий, копирующий сделанный кем-то первоначальный ход.

Как бы ни понимать модернизацию, содержание которой, очевидно, менялось на разных этапах, суть ее выражена в известном лозунге советских времен — «догнать и перегнать...». «Перегнать» всегда составляло утопический элемент этого лозунга; «догнать» есть реальная задача любой модернизации, в силу чего ее часто называют «догоняющей». Обычно различают две модели модернизации: вестернизацию и модернизацию «догоняющую». Первая предполагает прямое на-

вязывание Западом незападным странам своей системы ценностей и образа жизни (например, в ходе осуществляемой им колониальной политики). Субъектом модернизации выступает здесь сам Запад. Вторая модель перекладывает роль такого субъекта на саму модернизирующуюся страну при сохранении ею своей национально-государственной независимости. Степень этой независимости и определяет соотношение в процессе модернизации элементов вестернизации и «догоняющей модели».

В обоих случаях модернизация есть развитие с заранее планируемым результатом, с сознательно прогнозируемым финалом, с отчетливо артикулируемой конечной целью. Этим она отличается от развития, носящего характер «естественноисторического процесса», детерминированного не извне поставленной целью, т. е. телеологически, а внутренне обусловленной причиной.

Насколько я понимаю, Запад в своем развитии никогда не ставил перед собой задачу «перехода от традиционного общества к современному», в чем многие авторы видят смысл и содержание модернизации, т. е. не рассматривал современность как нечто, лежащее впереди него или находящееся в ином месте, чем он сам. Западному обществу вообще свойственно при любых обстоятельствах чувствовать и осознавать себя современным. Отличие нового от старого, современного от традиционного осознается им после того, как новое уже сложилось, наличествует в действительности. Даже в западных утопиях, апеллировавших к будущему и строивших модели идеального общества, которые не имели аналога в настоящем, современным считалось не то общество, которое еще только хотели построить, а то, которое уже существовало в настоящем, даже если оно и являлось предметом критики, а не апологии. И тем более Западу совершенно не свойственно считать современным то, что уже существует за его пределами. Западный

человек может быть недоволен своим обществом, существующими в нем порядками, он может желать их изменения и улучшения, но в любом случае он будет считать себя человеком, существующим в границах современного мира. Современность для него там, где реально, со своими заботами, ожиданиями и надеждами, присутствует он сам.

Возможно, так мыслит и неевропейский человек, но лишь до тех пор, пока он не соприкоснулся с Западом, не захотел сравняться с ним в образе жизни. Можно согласиться с Б. Г. Капустиным¹, утверждающим, что нет проблемы современности одной на всех (например современности, как ее понимает Запад), что каждая культура переживает и решает эту проблему по-своему, причем ни одна из этих культур не знает ее окончательного решения. Однако это мнение верно в той мере, в какой оно абстрагируется от сознания людей, живущих в иных, чем западная, культурных мирах, но чьими душами овладел соблазн западной цивилизации. С этого момента Запад становится для них синонимом современности, а современность — далеко отстоящим от них идеалом.

Современность в точном смысле слова — это наличие у людей сознания своей цивилизационной идентичности, тогда как модернизация есть следствие кризиса этой идентичности. Общество, с которым они себя отождествляют, вне которого не мыслят своего существования, современно для них при всех его возможных недостатках. Оно, это общество, может нуждаться, по их мнению, в исправлении и улучшении, даже в реформировании, но не в модернизации, поскольку уже современно до всякой реформы. Отнюдь не любая реформа тождественна модернизации. Реформы, проводимые на Западе (например кейнсианская), не были модернизацией, поскольку не требовали от западного человека отказа от его идентичности. Они могли испытывать на себе влияние разных идеологий — от либеральной до социал-

демократической или консервативной — но не подрывали у людей их западной самоидентификации. При всех своих изменениях западное общество всегда оставалось самим собой и потому современным.

Отсюда не следует, что современность для Запада не является особой и жизненно важной проблемой. Только решается она здесь иначе, чем то предлагают все известные модели модернизации. Нелепо применительно к Западу говорить о вестернизации или догоняющей модернизации. Именно для Запада современность, по словам Б. Г. Капустина, «не является идеалом или вожделенной целью, тем, чего добиваются и что «строят», а предстает как всего лишь «сила негативного», как «подрыв нормативных оснований любого общественного порядка»², т. е., попросту говоря, постоянно воспроизводимым антитрадиционализмом. Современность здесь — синоним изменчивости, текучести, историчности общественной жизни, что обусловлено ее собственными причинами и заложенными в ней возможностями.

Можно, конечно, назвать этот процесс и модернизацией. Но тогда мы будем иметь дело с пустой тавтологией, синонимом любого развития, всего того, что имеет историю. Следуя такой логике, все учебники истории необходимо переименовать в учебники по модернизации. Почему бы тогда не назвать модернизацией переход от юности к зрелости, от низших форм жизни к высшим? Происходящая в истории смена способов производства, форм правления, типов мировоззрения, если, она, естественно, никем заранее не планируется, будучи развитием, никак не может считаться модернизацией.

В отличие от «проблемы современности» «проблема модернизации» (перехода к современности) возникает в ситуации глубочайшей хронополитической травмы, вызванной сознанием «несовременности», «отсталости» своей страны по сравнению с другими. Существование с таким сознанием само по себе вызывает «шок», рождающий в том чис-

ле мысль о необходимости «шоковой терапии» с целью возвращения себе утраченного статуса современности. Сознание это поначалу отнюдь не массовое: им проникается не народ, живущий в традиционном обществе, вне исторического времени и его деления на современное или несовременное, а образованная и просвещенная элита, обладающая более широким кругозором и способностью сравнивать, сопоставлять между собой разные культурные миры. То, что представлялось ей ранее нормальным и привычным, вдруг начинает восприниматься как архаическое и устаревшее, как нечто аномальное и даже постыдное, недостойное человека.

Отсюда настойчивое желание сменить свою идентичность, уподобиться тем, кто служит для нее образцом. Свою общественную миссию элита (а в России к ней принадлежали все поколения русских западников) видит в том, чтобы внедрить заимствованную извне новую идентичность в сознание масс. Собственно, это и есть модернизация. Она состоит в восстановлении сознания своей «современности», ради чего в России и предпринимались все реформы. Они оправдывались здесь не естественным желанием что-то изменить, улучшить, усовершенствовать в своей жизни, оставаясь при этом самими собой, а именно стремлением стать во всем другими, избавиться от чувства своей ущербности и неполноценности, чуть ли не уродства, возникающего при сравнении с другими, современными, странами и народами. Понятно, что соответствующие реформы, шедшие вразрез с образом жизни и менталитетом большинства, могли носить только принудительный характер.

В. Г. Федотова, вслед за многими авторами определяя модернизацию как «не просто развитие, а его специфический вид, при котором осуществляется переход от традиционного к современному обществу»³, тут же поясняет, что речь идет в данном случае о развитии при-

менительно только к незападным странам, в частности к России, которые тем самым автоматически исключаются из разряда современных. «Догнать западные (современные) общества Запада — вот цель, которая стояла и перед Россией на всех этапах модернизации — в период реформ Петра I, Александра II, Петра Столыпина, во время большевистской модернизации и в настоящее время»⁴. В такой трактовке модернизации указана не только ее цель, но и то, на кого надо равняться, кому подражать, у кого брать пример. Здесь неясно только одно: от кого исходит это указание? Если «перед Россией стояла цель догнать западные общества», то, спрашивается, кто перед ней эту цель ставил?

Ссылка на объективные законы истории здесь не проходит. В отличие от них, действующих бессознательно и как бы за спинами людей, модернизация означает достижение заранее известного и сознательно планируемого результата. Она в любом случае требует наличия политической воли, мобилизующей всех для решения поставленной задачи. Политическая власть играет здесь ключевую роль. Хотя идея обновления общества может разделяться и поддерживаться разными группами людей, реальной программой развития она становится только в сознании политической элиты, стоящей у власти. Последняя способна не только инициировать этот процесс, но и поставить ему на службу всю мощь государственной машины. Модернизация и есть в первую очередь политика, сознательная деятельность власти, ее политическая стратегия. Ставя перед обществом задачу его модернизации, власть как бы берет на себя ответственность за его современность.

На эту сторону дела не всегда обращают должное внимание, видя в модернизации что-то вроде естественно протекающего процесса. В действительности мы имеем здесь дело не столько со стихийно развивающимся процессом, сколько с сознательно сформулированной и предписанной сверху программой действий, т. е. с чем-то более ис-

кусственным, чем естественным. Вероятно, могут сказать, что модернизация также продиктована объективными причинами (например, отсталостью страны), что, конечно, верно. Но далеко не очевидно, что данная программа содержит в себе адекватный ответ на объективный вызов истории.

Модернизация под видом строительства социализма, как теперь ясно, не прижилась на русской почве, дала сбой, закончившийся распадом государства. Замена социалистической (этатистской) модели модернизации на либерально-рыночную, заимствованную у Запада, дает пока что аналогичный результат, не менее болезненный, чем предыдущий. Обе эти модели, как бы их ни оценивать, являются результатом субъективного выбора, сделанного властью, хотя она и делает вид, что говорит от лица народа и самой истории. Именно власть в России всегда предписывала обществу, каким ему быть, на кого равняться, в чем видеть свою современность. Наши либеральные реформаторы в этом смысле не меньшие этатисты, чем их предшественники. Они, конечно, против вмешательства государства в рыночную экономику, но ради уподобления России Западу готовы терпеть и авторитарную власть. И что, кроме власти, может заставить людей жить в своей стране по чужому уставу?

Уже с Петра власть в России рассматривала принуждение и насилие как главный инструмент своей модернизационной политики, какими бы внешними причинами она ни вызывалась. По словам В. О. Ключевского, «реформа, как она была исполнена Петром, была... делом беспримерно насильственным и, однако, произвольным и необходимым... Уже люди екатерининского времени понимали, что обновление России нельзя было представлять постепенной тихой работе времени, не подталкиваемой насильственно». По-своему эту мысль выразил и Ленин, назвав политику концентрированным выражением эко-

номики, т. е. тем местом, где решаются все вопросы экономического развития. Все этапы российской истории, существовавшие под знаком догоняющей модернизации, отмечены ужесточением политических режимов, усилением их репрессивных функций, смещением центра общественной жизни в сторону авторитарной и тоталитарной власти. И причина тому не сама по себе необходимость развития, а то, как это развитие интерпретировалось властью, одержимой идеей модернизации.

Власть, взявшая на себя миссию главного модернизатора, признает для себя только одно право — бесконтрольно и единолично командовать страной. Такая власть ни при каких обстоятельствах не будет демократической, даже и тогда, когда ради своего положительного политического имиджа на Западе будет изображать из себя подобие демократии. Относительно демократическая демократизация послевоенных ФРГ и Японии не может служить примером, так как во многом была продиктована страной-победительницей — США. Они и сейчас следуют в фарватере американской внешней политики. Нельзя сбрасывать со счетов и ту огромную экономическую помощь, которую оказала им США в ходе восстановления ими своей экономики. И это при том, что и до того эти страны цивилизационно были намного ближе к западной экономической системе, чем Россия.

Скрытая модернизация, проводимая царями и большевистскими вождями под лозунгами «великой России» и «построения социализма», сменилась ныне модернизацией открытой, прямо ориентированной на Запад. Однако, чем больше политики у власти пытаются копировать Запад, тем больше их политика почему-то выглядит карикатурой на него. Западничество в политике тем и отличается от Запада, что последний есть естественное образование, а первое — образование искусственное, сугубо «идейное», и потому совершенно «беспочвенное». Ко-

пия не может быть оригиналом. Модернизация и есть искусство копирования, а не создания оригинала. История с ее чуткостью к самобытному и индивидуальному не принимает и не признает грубых подделок, политиков-копиистов и имитаторов. Исторический плагиат столь же нетерпим, как и любой другой.

Сегодня даже на Западе модернизация признается устаревшей и непригодной к употреблению моделью развития. «В 70-е гг., — отмечает Б. С. Старостин, — эйфория вокруг модернизации постепенно сменяется разочарованием в ней. Практически нигде, за малым исключением, модель экономического роста не сработала в том виде, в каком она была задумана. Неэффективной оказалась и модель политической институализации... Началась критика предложенных моделей. Видных ученых Запада насторожила жесткая привязанность авторов этих моделей к официальной политике. Какая же это теория, спрашивали многие, если она превратилась в служанку политики, выполняет чисто идеологические функции? К политико-идеологической критике добавилась затем и методологическая»⁵.

Нет смысла рассматривать здесь последующую трансформацию первоначальной модели, что достаточно подробно описано в нашей научной литературе. Общая тенденция состояла в замене политико-центричной модели на культуросцентричную, развивающую идею модернизации с опорой на собственные традиции и ценности. В. Г. Федотова предлагает называть ее постмодернизацией, которая, как она справедливо полагает, не снимает противоречия институционального и культурного (ценностного) в ходе ее проведения. Могут ли традиционные ценности инициировать появление новых институтов? В этом, казалось бы, убеждает нас пример Японии и Юго-Восточной Азии. Вопрос, однако, в том, является ли созданное там современ-

ным в западном смысле этого слова или чем-то иным по сравнению с ним, вносящим в западную модель «азиатский элемент»?

Постмодернизация есть отрицание модернизации даже по смыслу самого термина. Отрицается, однако, не сам по себе факт модернизации, как он имел место в истории и продолжает сохраняться до нашего времени, а возможность достигнуть на этом пути в настоящее время сколько-нибудь значимых результатов. Россия здесь не исключение. Результаты нынешней модернизационной волны далеко не соответствуют связанным с ней ожиданиями: Россия не сближается с Западом, а все больше отдаляется от него. По словам американского политолога Стивена Коэна, «Россия следовала по пути модернизации сверху в течение столетий. Иногда этот процесс шел безболезненно, иногда это была «модернизация через катастрофу». Но никогда прежде результатом не становилось подобное возвратное движение вспять от современности»⁶. Полемизируя с американской политической наукой, занимающейся Россией, в ее оценке современного периода нашей истории как «переходной» (от тоталитаризма к демократии и капитализму), Коэн называет тот же период «демомодернизацией».

Смысл происходящего станет более понятен, если мы учтем, что, взяв курс на модернизацию, мы по существу продолжили старую политику, но только под другими лозунгами. Если раньше эта политика маскировалась сознанием нашего величия и даже превосходства над Западом («первая в мире страна победившего социализма»), что позволяло народу терпеливо сносить тяготы жизни и примиряло его с властью, то теперь ему внушают, что величие — удел других народов, а его участь — смиренно учиться у них. Сознание своей несовременности, т. е., по сути, дикости и варварства, и есть та новая идентичность, которую власть предлагает народу. Посредством внедрения в массы «шокового сознания» (подобно тому, как раньше внедрялось

социалистическое сознание) пытаются оправдать шоковую терапию. Но с таким сознанием вообще нельзя развиваться. Развитие есть удел уважающего себя человека, а ответом на национальное унижение может быть только ненависть к тем, кто тебя унижает и кого тебе ставят в пример. Убедите человека в том, что он варвар — он и будет вести себя соответственно. В итоге получим не развитие, а произвол сверху и хаос внизу. Что и наблюдаем в настоящее время.

Дело однако не только в смене лозунгов. Сегодня вообще нет лозунга, который мог бы скрыть главный изъян модернизации — ее репрессивный и унижающий национальное достоинство характер. Модернизация исчерпала себя не только по форме, но и по существу — как способ перехода от традиционного общества к современному. Ведь современность отождествляется в ней с индустриальной фазой общественного развития, а сегодня эта фаза сменяется другой, как бы ее ни называть — постиндустриализмом, информационализмом, глобализмом и пр.

Эпоха модерна, по мнению одних, сменяется постмодерном, по мнению других, — вступает в новую и заключительную для себя фазу. Мир переживает переход к тому, что имеет много названий, но пока не получило однозначного определения. Но ясно одно: этот переход сопровождается кризисом всех форм идентичности, известных до сих пор, кризисом всех модернизаторских идеологий эпохи индустриализма — от либеральной до социалистической. С какой системой идей и ценностей вынужден будет идентифицировать себя человек эпохи постмодерна (или позднего модерна) — вопрос открытый и не имеющий пока общепризнанного решения. Ситуация неопределенности, рождаемая этим переходом, как бы уравнивает всех в сознании своей «несовременности», заставляет усомниться в превосходстве любой идентичности, кем бы она ни была представлена на сегодняшний день.

Можно сказать и так: поскольку современность перестает быть в настоящее время чьей-то особой привилегией, становится проблемой для всех, постольку переход в современность (модернизация) оказывается общей судьбой, общим делом всех стран и народов. Но тогда такой переход лучше называть уже не модернизацией, а глобальным развитием. Последнее есть реальная альтернатива догоняющей модернизации. Политике, заставляющей одних жить под диктовку других, все больше противостоит политика, сочетающая собственный национальный интерес с интересами других, а в пределе — мира в целом. Жить в согласии с другими и есть, пожалуй, главная ценность такой политики.

Глобализация, в отличие от модернизации, включает в себе тем самым иное понимание современности и перехода к ней. Данный переход осознается здесь как задача, постоянно решаемая совместными усилиями всего мирового сообщества, а не каждым в отдельности. Современен здесь тот, кто озабочен не только своей судьбой, но и судьбой мира, его глобальными проблемами, так или иначе включен в их решение. Экономический рост, высокий уровень жизни, военное могущество и все остальные несомненные признаки процветания не являются здесь еще достаточными характеристиками современности, ее опознаваемым всеми знаками и символами. На первый план, действительно, выходят иные приоритеты и ценности. В своей совокупности они выражают способность конкретного государства, страны или народа жить не только своей обособленной, но и всеобщей жизнью, выходить за рамки своего локального, местного, национального, регионального существования. Мера этой всеобщности и становится здесь мерой собственной современности. С этой точки зрения современной нельзя считать и ту политику, которая во имя ложно понятого патриотизма и национального эгоизма отгораживается от мира, пытается

противостоять глобализации, и ту, которая сводит глобализацию, фактически, к той же модернизации, выдавая за нее вырвавшуюся на волю и затопившую весь мир рыночную стихию. Сторонниками первой позиции являются разного рода националисты, традиционалисты, фундаменталисты. Ко вторым относятся теоретики и политики неolibерального толка, трактующие глобализацию как всего лишь расширение и распространение на весь мир сложившейся в течение столетий капиталистической системы.

В обоих случаях мир остается разобщенным, хотя и по разным основаниям. В первом он разделяется по цивилизационным, конфессиональным, национальным границам, которые считаются непреодолимыми. Во втором — по степени своей включенности в мировую капиталистическую систему. В этом случае он сегментируется на неравные части, причем командную роль в нем будут играть те страны, которые заняли в этой системе центральное место, образуют ее ядро. Предполагается, что таким центром в XXI в. будут страны «большой семерки» с теми или иными незначительными добавлениями, а также зависимые от них международные организации типа МВФ, Международного банка и пр. Остальные страны окажутся за бортом. Они станут для первых либо поставщиками сырья и дешевой рабочей силы, местом хранения их отходов, либо вообще будут исключены из их системы.

С подобной перспективой трудно согласиться. Даже некоторые дальновидные политики Запада высказывают сомнение в способности рыночной экономики без соответствующих мер государственного регулирования подчинить себе весь мир, заставить его жить по своим законам. Ряд западных авторов предрекает провал экономического глобализма, считая, что этот факт станет доказательством несостоятельности идеи глобализма вообще. Глобализация, как думают многие, осу-

шествяемая исключительно по законам конкуренции и дерегулирования рынков, лишь усилит неравенство между богатыми и бедными странами, спровоцировав со стороны последних ответные конфронтационные действия. Типичный пример тому — современный фундаментализм. Потрясающие мир финансовые кризисы, разрушение природной среды, массовая миграция населения из зон хронической нищеты и голода, рост числа безработных (в силу низкой грамотности и квалификации) в странах третьего мира, вспыхивающие в разных точках планеты военные конфликты — все это и многое другое свидетельствует о порочности рыночного глобализма даже при том условии, что ему нет никаких противовесов. Полагаться только на рынок — значит, действительно дискредитировать идею глобализации.

Конечно, многое будет зависеть от сознательного вмешательства государства с целью регулирования процесса глобализации, от желания и умения политиков реформировать систему межгосударственных отношений и союзов с учетом интересов как можно большего числа стран. Однако ставка на государство при всей ее важности не решает всей проблемы. Нужна и новая идеология, способная внедрить в сознание народов ценности и приоритеты глобальной политики, примирить их с ней. Такая идеология должна быть свободна от классово-этнонациональной, региональной ангажированности прежних идеологий, она не может быть простым повторением традиционных догм либерализма или коммунизма, сложившихся еще в XIX веке и с теми или иными изменениями дошедших до наших дней. Либеральные и социальные ценности найдут свое место и в глобальном обществе, но они перестанут здесь быть взаимоисключающими, не способными к синтезу. Не надо мыслить это общество раем, где все человеческие проблемы к всеобщему удовлетворению будут решены: несомненно, что решаться они будут на более высоком витке развития разумности и гуманности.

В ином случае следует признать, что глобализация лишена исторически оправдывающего ее смысла.

Глобальная модель развития, по нашему мнению, не является ни либерально-рыночной, ни этатистской. Последние в большей степени соответствовали экономике индустриального общества, опиравшейся либо на механизмы свободного рынка, либо на централизованную и всеохватывающую власть государства, и, как известно, именно они раскололи мир на два противостоящих лагеря, каждый из которых претендовал на мировое лидерство. Для одного из этих лагерей была характерна вера во все разрешающую силу рынка, для другого — в силу и мощь государственного аппарата. Модернизация, являющаяся, по существу, запоздалой индустриализацией отставших в своем развитии стран, так и не смогла найти разумный баланс между этими двумя стратегиями развития.

С началом глобализации каждая из этих стратегий перестает быть надежным инструментом политики. Рынок и государство, конечно, сохраняют свое значение в качестве важнейших факторов общественного прогресса, но в их действия все большие коррективы вносят факторы иного рода — социальные и культурные.

Глобализация, как известно, является прежде всего следствием прорыва в мир информационных технологий и систем, по своей природе являющихся глобальными. Глобальный мир — это предельно информатизированный мир, в котором расширенное воспроизводство информационных технологий становится главным источником прогресса, в том числе и экономического. Управлять таким миром подобно тому, как это делалось в индустриальных обществах, уже невозможно. И произошло это потому, что, во-первых, информационные потоки не укладываются в национально-государственные и региональные границы, а во-вторых, от человека здесь требуются иные личност-

ные качества, чем только его рыночная активность и исполнительское послушание. Экономика, основанная на информационных технологиях, превращает человека, владеющего информацией и способного генерировать новое знание, в основной капитал, главную производительную силу общества. Соответственно возрастает значение таких структурных подразделений общества, как наука, образование, культура в целом. Именно в них формируется новый тип работника, обладающего помимо своей рабочей силы еще и тем, что принято называть культурным капиталом. Роль последнего в производстве неизмеримо возрастает даже по сравнению с вещным и денежным капиталом. Здесь мало быть просто наемным работником или частным предпринимателем, равно как и отдающим приказы бюрократом; в любом случае надо быть человеком культуры, способным творчески решать встающие перед ним задачи. Можно сказать, что на этапе глобального развития именно культура становится главным фактором решения социальных проблем.

Поэтому понятно, что целью глобальной политики, в отличие от модернизации, может быть только создание такого мирового порядка, при котором коллективные достижения человечества в разных областях деятельности становятся достоянием каждого человека и каждого народа — личным и национальным достоянием. Никто, ни один народ не может быть ущемлен в своем праве на свободный доступ ко всем достижениям и благам мировой цивилизации и культуры, и только такой доступ делает людей и народы равными друг другу.

Любой дележ общественного, экономического, культурного богатства — осуществляется ли он силовыми методами или методами рыночной конкуренции — ведет к неравенству, является источником социальных конфликтов как внутри отдельной нации, так и между ними. Неравный дележ никогда не примирит между собой проигравших и

выигравших. И если в сфере рыночной экономики он практически неизбежен, то в области природопользования и культуры он опасен и вреден, а в принципе — недопустим. Распространение на природу и культуру рыночных институтов, коммерциализация этих сфер являются результатами экологического и духовного кризиса, поразившего индустриальное общество. Первое, что надо сделать, — это освободить их из-под власти рыночной стихии, т. е. необходимости дележа между конкурирующими соперниками.

Культура во всех своих проявлениях и наука, в частности, в принципе в равной степени принадлежат всем. Они не подлежат приватизации, хотя это часто и делается в ущерб им обеим. Вообще уповать на спасительную силу приватизации можно только в индустриальном обществе, тогда как за его пределами в цене повышаются те виды богатства, которые, по сути своей, не являются объектами дележа и принадлежат всем. Что-то, а информацию, имеющую общекультурное значение, нельзя сделать собственностью одного человека, одного государства и даже одной наднациональной корпорации. Попытка ее монополизации со стороны частного субъекта противоречит природе информации, обесценивает ее. В равной мере это относится и к богатству природному, являющемуся общечеловеческим достоянием.

Переориентация интересов и целей национальной политики с модернизации на глобальное развитие и есть единственный способ возвращения в современность, обретения идентичности, соответствующей реалиям сегодняшнего дня. Именно в этом направлении следует искать систему ценностей, способную стимулировать экономический рост и социальное развитие. Лишь включившись в решение проблем глобального порядка, Россия сможет обрести новое дыхание, преодолеть поразивший ее кризис, заявить о себе как о стране XXI века. Не повторять и копировать то, что уже пройдено другими, а вместе с ними участвовать

в создании нового мира — только так можно и наверстать упущенное, и сохранить себя в этом мире. И у России, если она внимательно прислушается к себе и основательно разберется в своем прошлом, есть что сказать и предложить миру.

¹ Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории». М., 1988.

² Там же. С. 16-17.

³ Федотова В.Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей модернизации». М., 1995. С. 65.

⁴ Там же.

⁵ Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 13.

⁶ Коэн С. Изучение России без России // Свободная мысль. 1998. № 9-12. С. 28.